

Константинъ Коровинъ

ВЫДРА

Охотничій рассказъ

Съ рисунками худ. А. Коровина.

Всякій знаетъ, что лѣто лучше зимы. Охота лѣтомъ хороша, но и зимой тоже занята. Особенно хорошо зимой, когда друзья-охотники прїѣзжаютъ въ гости. Охота бываетъ и неудачна, холодно, морозы, уши мерзнутъ, но зато вечера въ тепломъ домѣ, въ деревнѣ хороши. Горитъ лампа, теплется каминъ, рассказы друзей... Живу я въ глухомъ мѣстѣ далеко отъ Москвы, станція далеко, кругомъ лѣса; мой деревянный домъ стоитъ на горкѣ у лѣса, а внизу рѣка, небольшая. За рѣкой огромный лѣсъ тянется на сто верстъ больше. Селеня рѣдки. Попадаются деревенки небольшія, дворовъ шесть. Деревенская сосѣдка моя, тетушка Афросинья, хорошо варитъ брагу, иѣнистую. А мужъ ея Феоктистъ на рѣчкѣ сдѣлалъ во льду прорубку воду брать. Хороша вода въ рѣчкѣ Нерли, вкусная. А въ колодецъ хуже.

И сказала мнѣ Афросинья, что пошла утромъ на прорубь воду брать, утромъ рано и вотъ видитъ она, что у прорубки лежитъ эдакій звѣрина, морда кошачья, усищи, самъ гладкій, лапы какъ у гуся, а хвостъ рыбій. — Вотъ поболѣ собаки вашей. Онъ увидалъ ее, да въ прорубку прысъ... и ушелъ. И у ней ноги подкосились.

— Глазищи у его, какъ у кошки!

— Тебѣ показалось, тетушка Афросинья, говорю я. — Откуда звѣрь такой возьмется?

— Нѣтъ, говоритъ Афросинья, видала, ей-ей. Феоктистъ-то говоритъ, не иначе что это выдра.

Афросинья была женщина серьезная. Врать не станеть, думаю я. — Не какая-нибудь погрясучая, говорилъ мнѣ дѣдушка, «а мужнина жена».

Я сижу въ деревнѣ одинъ, скучно. Пишу картины съ натуры: зиму. Холодно, руки мерзнутъ. Пошлю, думаю, телеграмму охотникамъ - друзьямъ. Пишу: «Выѣзжайте скорѣй, выдра, одиннадцать часовъ»; — телеграммы вѣдь сокращенно пишутъ. А самъ пошелъ смотрѣть на рѣку къ прорубкѣ. Снѣгу много. Къ той сторонѣ рѣчки, гдѣ густой лѣсъ весь въ хлопьяхъ снѣга, къ берегу большая прорубь. Вижу дѣйствительно слѣды на снѣгу у прорубки и у слей. Ла-

пы большія съ перепонками и снѣгъ сбить полосами, какъ-будто кто ползаль и чешуя рыба поблескиваетъ. Афросинья говоритъ мнѣ:

— Если это что ни что водяной ежели, а то звѣрина страшный.

— Ленька, кричу я слугѣ своему.

Ленька приходитъ заспанный.

— Ну, что ты, опять спалъ? говорю я.

— Да вѣдь скучно, — говоритъ Ленька. Дѣлать нечего.

— Скучно... А вотъ палитру опять не вычистилъ. Слышалъ, звѣрина въ проруби живетъ у насъ гуть у лѣса.

— Да, слышалъ. Афросинья говорила. Феоктистъ-то прорубь большой пробилъ на бочагѣ у лѣса. Онъ говоритъ нарочно, говоритъ, большой, пускай, говоритъ, когда Василь Сергѣевичъ прїѣдетъ налимовъ тутъ ловить будемъ. Тамъ есть налимы, говорить.

— А если это враки... ей показалось? Можетъ быть, кошка была?

— Нѣтъ, Афросинья врать не будетъ. Можетъ это боберъ?

— Какъ боберъ? Бобровъ вѣдь тутъ нѣту.

— Дѣдушка говоритъ, что бобры раньше были, недалеко здѣсь у Иванова озера, камчатскіе.

— Пошлю телеграмму.

Приписалъ: бобры...

— Отвези, говорю Ленькѣ, съ Павломъ на станцію. Вотъ телеграмма.

**

Въ Москвѣ получилъ телеграмму прїятель мой Павелъ Александровичъ Сучковъ. Поѣхалъ къ гофмейстеру, тоже охотнику. Тотъ прочелъ телеграмму, разсердился ужасно, сказалъ:

— Какая ерунда! Какой у него въ головѣ вздоръ, и всегда это у него. Выдра, бобры одиннадцать пудовъ. Вздоръ!

Телеграфистъ, должно быть, перепуталъ. Вместо слова часовъ написалъ «пудовъ». Павелъ Александровичъ задумался: «Если это окажется, что это пошлая шутка, то я больше съ нимъ не знакомъ. Но все же, вѣроятно, если не бобры, то выдра».

Самъ думаю: «Странный звѣрь. Прїѣдутъ гости - охотники, чего бы добраго, не убили бы этого звѣря. Живеть, бѣдняга, зимой въ водѣ, снѣгъ кругомъ, холодище, живеть тутъ недалеко, рядомъ со мной, и вотъ я же послалъ убивать его... Ничего онъ мнѣ дурного не сдѣлалъ... Навѣрное, красивый, милый звѣрь... Нѣтъ, я не дамъ его убивать. Да имъ и не убить. Пулей надо, Пулей не попадешь».

— Не нерпа ли это? — говоритъ мнѣ дѣдушка. — Та то невелика, а этотъ то звѣрина большенный, — Афросинья говоритъ. Знать выдра. Злющія онъ, выдры-то.

Сидимъ съ дѣлушкой на кухнѣ. Афросинья готовится къ прїѣзду гостей, разводитъ тѣсто для блиновъ. Ленька пошелъ за щучьей икрой, которую называетъ почему-то сиговой.

Дома у меня тепло. Въ комнатѣ сторожа, рядомъ съ кухней, спитъ здоровый, толстый баранъ съ густой черной шерстью, закручены большіе рога, глаза бѣлые. Домашній прїятель баранъ. Глупъ невѣроятно. Ъсть баранки сколько угодно и умѣетъ только бодаться: думаетъ, что это очень хорошо. Понтеръ Фэбъ любитъ барана, лежитъ у него подъ животомъ, спитъ—отъ барана тепло.

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ охотникъ, крестьянинъ Герасимъ Дементьевичъ. Я былъ радъ, рассказалъ про звѣря.

— Выдра... — сказалъ Герасимъ.

— Охотники, говорю, прїѣдутъ изъ Москвы, Павелъ Александровичъ и другіе.

— Ничто, говоритъ Герасимъ. Только выдра чутка больно. Ружье чуеетъ. Зря бьютъ. Куда ее?

— Герасимъ, говорю я, не надо ее убивать. Зацѣмъ? Пускай живетъ тутъ. Она должна быть, красивая.

— Какая красивая... Да что вы, Кинстин-

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕНІЯ, СЛАБОСТЬ

Сиропъ ДЕШБЕНЪ на гемоглобинѣ
озстановитель крови, рекоменд. луч. врач.

...Элакій звѣрина, морда кошачья, усищи, самъ гладкій, лапы, какъ у гуся, а хвостъ — рыбій...

тинъ Лисѣичъ У ней морда — глядѣтъ невозможно; морщенная. Да бабѣ-то злющихъ не даромъ народъ выдрой зоветъ.

— Да теперь ее болѣе не увидишь, говорить дѣдъ. Афросинья ходила по воду, вечеромъ, а тамъ бабы съ вальками пришли, бѣлье полощутъ. Вотъ что.

— Значитъ, пріѣдутъ друзья мои — скажутъ, что я ихъ обманулъ. Хотѣлъ показать имъ. А теперь ее напугали, полощутъ бѣлье.

— погоди, Лисѣичъ, я ее покажу имъ. Я знаю. Попугаю изъ лѣсу, у берега нора есть, рыбки побросаю. Она пониже на быстринѣ живетъ, гдѣ рѣка не мерзнетъ. А въ прорубкѣ — это она охотилась, за рыбой лазила.

Масленница. Мы ужъ въ заботѣ о пріѣздѣ гостей охотниковъ. Достали, что возможно: и щучьей икры къ блинамъ. Ничего нѣтъ лучше угощать пріятелей-друзей. Хлопотали до поздней ночи. Разбудили меня утромъ. Слышу на кухнѣ разговоръ. Пріѣхали охотники. Я всталъ. Входятъ. Трутъ руки... Смотрятъ всѣ на меня... Павелъ Александровичъ подчявъ руку, сказалъ:

— Если это твои шуточки и все ерунда — телеграмма тоже, — то мы не позволимъ: довольно пошлостей, шутокъ твоихъ! А если, говорилъ онъ, выпучивъ глаза и поднявъ черныя брови до причесанныхъ гладко волосъ, — если выдра есть, то здравствуй!

И онъ подошелъ, обнявъ, расцѣловался со мной и всѣ другіе.

Отъ гостей пахло коньячкомъ. Всѣ были веселы. Блины, разговоры. Говорили про бобровъ, нерпъ, росомахъ. Угощали тетку Афросинью, Феоктиста, Герасима, дѣдушку, Ленку. Рѣшили вечеромъ идти убивать выдру. Гофмейстеръ Павелъ Александровичъ и ихъ пріятель, Хрѣновъ, страстный охотникъ, всѣ легли спать. Василий Сергѣевичъ серьезно и задумчиво что-то мастерилъ. Шушукался съ Феоктистомъ на кухнѣ.

— Уберите, кричалъ, барана. Этотъ болванъ ничего не даетъ дѣлать, бодается. Тоже завели дурака себѣ. Его бы пора на плиту. Не я твой хозяинъ, говорилъ онъ барану, а то бы давно на котлеты пошелъ. Уберите его къ чорту.

Барана привязали на веревку.

— Никому не говорите, — тихо сказалъ мнѣ Кузнецовъ. — Я ее на крючокъ пой-

маю раньше ихъ. Поняли?

И онъ мнѣ показалъ огромный крючокъ, на которомъ сидѣла рыбина и, взявъ ружье, пошелъ съ Феоктистомъ на рѣку. Феоктистъ почему-то захватилъ вилы.

Охотники ждали вечера, такъ какъ Герасимъ сказалъ, что выдра выходитъ чуть свѣтъ или ночью. Охотники снаряжали патроны картечью и пулями и были всѣ серьезны и со мной дѣловиты. Шутокъ не было. Герасимъ ушелъ, сказавъ:

— Вернусь къ вечеру.

Сумерѣло. Пришелъ Герасимъ и говорить:

— Рано еще...

Охотники дожидались, сидѣли молча, говорили какъ-то о постороннемъ. Я спросилъ правда ли говорятъ, что Родзянко охотникъ?

— Мнѣ ничего не отвѣтили. Изрѣда одинъ, другой изъ гостей, вставъ, подходилъ къ столу и дѣловито выпивалъ рюмку коньяку и опять садился и молчалъ.

— Пора, сказалъ Герасимъ.

Охотники одѣлись, взяли ружья. Когда вышли на крыльцо, Герасимъ сказалъ шопотомъ:

— Потихе. Курить нельзя.

Шли глубокими сугробами. Ноги въ валенкахъ уходили по колѣно въ снѣгъ. Под-

ходя къ рѣчкѣ, Герасимъ тихо, по одному, разсадилъ всѣхъ въ кустахъ берега подъ елями и ушелъ.

Лѣсъ угрюмо дремлетъ. Спускается ночь. Юпитеръ блеститъ на небесахъ, сіяя надъ лѣсомъ. Тишина. Медленно идетъ время. Темнѣетъ. Изъ проруби лѣзетъ звѣрь, ужасный. На мордѣ усы и на спинѣ щетина, длинный хвостъ. Быстро ползетъ къ бугру. Открылась канонада. Я даже не стрѣляю такъ удивленъ. — Невѣроятно, невидано! Чудовище! Звѣрь быстро ползъ вверхъ на бугоръ и пропалъ въ кустахъ за елями. Герасимъ выходитъ къ проруби. Идетъ по слѣду. Подходятъ охотники. Смотрятъ.

— Ранень, говоритъ Герасимъ.

Зажигаетъ спичку: на снѣгу пятна крови. Герасимъ беретъ снѣгъ — въ немъ кровь. Мнѣ какъ-то было тяжело: ранили звѣря.

— Не уйдетъ далеко, кричатъ охотники.

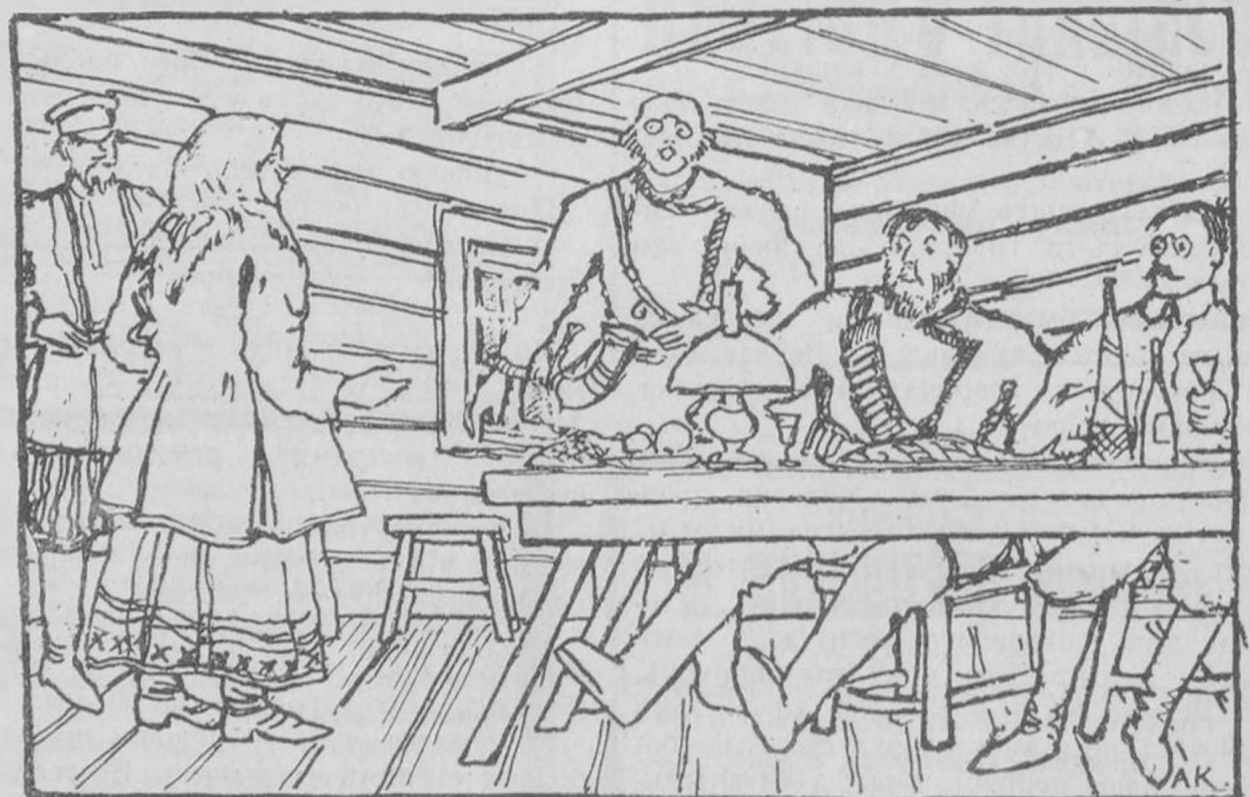
— Завтра утромъ найдемъ, говоритъ Герасимъ.

— Ну и звѣрина! удивляются охотники.

Василій Сергѣевичъ гнетъ шишурокъ у проруби, вытаращивъ глаза, и выбрасываетъ на снѣгъ большого налима.

— Какой восторгъ! говоритъ гофмейстеръ. Всюду звѣри!..

— Спасибо, говоритъ мнѣ Павелъ Алек-

— Если это что ни что водяной ежели, а то звѣрина страшный...

Ф. И. ШАЛЯПИНЪ.

ОТЪЗДЪ НА ОХОТУ И РЫБНУЮ ЛОВЛЮ ПОДЪ МОСКВОЮ.

К. А. КОРОВИНЪ.

НАШИ ХУДОЖНИКИ НА ОХОТѢ

К. А. Коровинъ, С. А. Виноградовъ и В. С. Кузнецовъ въ подмосковномъ имѣніи.

сандровичъ и жметъ руку. Ага, это классъ... Какой чортъ. А? Я его пулей разъ-разъ. Не уйдешь, крикнулъ онъ, посмотрѣвъ на лѣсъ.

Охотники были веселы и довольны: уха изъ налима! Хрѣновъ говорилъ, что точь такого убилъ въ Сызрани на рѣкѣ, только хвостъ поменьше.

— Тамъ называется по другому, не выдра. Ее не ѣдятъ, рыбой нахпетъ.

— Прекрасный будетъ коверъ изъ нея, говорилъ гофмейстеръ.

Всѣ были веселы. Хрѣнову велѣли выпить со мной на «ты». Павелъ Сучковъ говорилъ про меня, что я охотникъ и понимаю.

— Но только разныя штуки его — ерунда. Но какова вещь? А? Лѣзетъ прямо изъ воды. Понимаете. А? Я въ первый разъ вижу эту выдру.

— Поискать бы слѣдъ, да темно, говорить

Герасимъ. Мѣсяцъ на ущербѣ, да тучи находятъ.

Угощали Афросинью, Феоктиста, Герасима.

— Наслажденіе, говорилъ гофмейстеръ. Обстановка и все — поэзія! Напиши же пожалуйста эту картину, сказалъ онъ мнѣ.

Утромъ встали рано. Но за ночь пала порошь: потеряли слѣдъ. Пошли искать звѣря. Сдѣлали загонъ. Убили шесть зайцевъ, но звѣря нѣтъ. Въ удивленіи рассказывалъ гофмейстеръ, что тетеревъ вылетѣлъ у него изъ подъ лыжъ изъ снѣгу. Отъ неожиданности онъ пропуделялъ, но зато застрѣдилъ двухъ зайцевъ. Убили глухаря и тетерева. А Вася застрѣлилъ лисицу.

— Чернобурую... говорилъ онъ.

— Не чернобурая, отвѣчали ему.

— Какъ не чернобурая?.. А спина-то смотрите — темная.

Герасимъ былъ героемъ. Его задарили и подпоили. Масленица... Блины ѣли. Вся деревня пила вино. И Фэбъ, баранъ — всѣ ѣли блины.

Звѣрь ушелъ, но ничего. Вася наловилъ налимовъ. Дичь и рыбу завертывали въ рогожные кульки. Герасимъ сказалъ мнѣ:

— А богатъ, знать, генераль-то. Смотрю, какъ отвалилъ мнѣ 25 рублей!

Всѣ уѣхали въ Москву довольные охотой.

*
**

Ранней весной я съ холстомъ, красками, мольбертомъ въ большомъ лѣсу за рѣчкой выбралъ мѣсто писать картину. Солнце... Весна... Зеленые ели и мутные кусты ольхи. А за ними свѣтлый разливъ рѣки и кое-гдѣ, въ ложбинахъ, горитъ ярко бѣлый снѣгъ, залитый весеннимъ солнцемъ. Синія тѣни. Какая жизнь, какая красота! Я быстро кладу краски на холстъ свѣтлыхъ пятенъ и голубыхъ тѣней и вижу въ кусту недалеко что-то лежитъ длинное, темное... Подошелъ. Вижу длинный холщевый мѣшокъ набитъ соломой. Впереди, гдѣ шире, вставлены ровные прутья съ двухъ сторонъ.

— Ахъ ты... Да вѣдь это звѣрь-выдра! Ахъ Герасимъ!..

Говорю Герасиму при встрѣчѣ:

— Ну и плутъ ты!..

И оба смѣемся.

— Какъ же это ты слѣдъ то... кровь вѣдь была?

— Да, отвѣчаетъ Герасимъ. Курья кровь-то... Я пузырекъ взялъ. А то не повѣрятъ. Масленица... Скучные бѣ стали. А то каждый думалъ: я попалъ. Коврикъ ужъ готовили... Пуцай... Охота — звѣрь! — Весело.

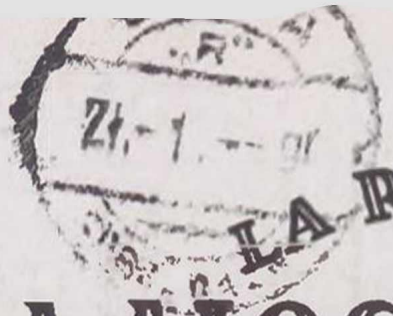
— Какъ же ты это приспособилъ?

— Въ сараѣ шиль, съ Ленкой работали. Я тянуть — бичевку у васъ взялъ... долую, что черезъ рѣчку ставили рыбу ловить съ лодки.

Нѣтъ ужъ больше моихъ друзей охотниковъ и не знали они, что ихъ обманулъ Герасимъ и въ обманѣ его они радовались, что видѣли выдру и впечатлѣнія отъ охоты унесли въ вѣчность.

Константинъ Коровинъ.

№ 37 (487) Парижъ
8 сентября 1934 г.

Цѣна отд. № - 3 фр
11-й годъ изданія

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССИЯ

**Охотничій
номеръ**

На облавѣ...